

одна СМЕШНАЯ повесть

СКАЗКА

Невероятная история,

случившаяся в деревне

Камышовка

с шестилетней девочкой

и ее родителями

РИНА ОРЕ

РАЗ

КАК-ТО РАЗ В КАМЫШОВКЕ

16+

Рина Оре Раз

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51693156
SelfPub; 2020*

Аннотация

Веселая, сказочная история. Эта часть завершает трилогию "Три. Два. Раз" и объединяет ее части. В ней вновь появляются экстрасенс-мошенник Аристарх Назарий и мелкий бес Егорушка из книги "Три", а также Маша из книги "Два".

Содержание

Присказка	5
Сказка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эта часть – самостоятельное произведение, но, чтобы лучше понять поведение второстепенных героев, нюансы или смысл, стоит еще прочитать первые две книги из трилогии «Три. Два. Раз». «Три» – это три мистических рассказа. «Два» – два грустных, прозаических рассказа. «Раз» – это веселая сказка под названием «**Как-то раз в Камышовке**».

Присказка

Жила-была Вика, очень умная девочка: в свои шесть лет она умела читать по слогам, писать диктанты и складывать цифры. Но почему-то мама называла ее «глупышка ты моя». Наверно, потому что Вика не любила задавать вопросы, а любила сама докопаться до истины. Еще она очень любила смотреть телевизор, правда, мама ей не разрешала долго его смотреть – напрасно: в телевизоре было столько всего интересного! Во-первых, это мультики. Вика любила все-все мультики, особенно про Золушку. Во-вторых, когда мама смотрела телевизор, там всегда показывали что-нибудь, что стоило запомнить.

Вика любила запоминать громкие фразы. Например: «Докопаться до истины», «Дай мне еще один шанс, последний шанс», «Эх, судьба-злодейка». Затем Вика любила изречь среди взрослых эти броские обороты, причем вворачивала она их к месту и с выражением, а взрослые отчего-то смеялись, мама же говорила: «Глупышка ты моя»...

Взрослых Вика плохо понимала, хотя они ей очень нравились. Дети, конечно, нравились больше, ведь Вика любила бегать, прыгать, кидать мяч, а взрослых бегать не заставишь и из-под палки! Взрослые любят спать и сидеть на диване. Понять это было выше всякого разумения! – Вика бы с удовольствием поменялась местами с мамой в противный сон-

час. Мама говорила, что тоже с удовольствием бы это сделала, да вот никогда этого не делала до сегодняшнего дня! Зато взрослые всегда чего-то покупают. Вика всё-всё бы на свете разом купила, начиная с конфет, но взрослые всё-всё не покупали – загадка под названием «Нет денег». Поразмыслив с помощью телевизора, Вика поняла, что была бы у взрослых волшебная палочка, они бы ей взмахнули и сказали такое заклинание: «Миллион долларов». Эх, судьба-злодейка, не было у взрослых волшебных палочек – волшебные палочки бывают только у магов и фей.

Больше всех взрослых Вика любила маму. Ее мама-Настя очень красивая – дети отлично разбираются в красоте. У мамы длинные ноги и длинные волосы, лаковые туфли и лаковые штучки на кончиках пальцев, голубые глаза и голубая кофточка. Еще мама имела множеством всяческих пахучек, еще красила губы и еще умела менять цвет волос. Вика хорошо помнила, как мама вдруг стала рыжей, а через неделю пошла в ванную и вышла опять светловолосой. Рыжей мама была, когда папа перестал с ними жить – взял да перестал. Теперь папа приходит в гости к Вике, вместо папы же с ними живет дядя Игорь. Мама сказала, что дядя Игорь скоро будет новым папой Вики.

Дядя Игорь, в целом, был неплох. Папа, пока с ними жил, домой возвращался с работы поздно и не играл с Викой по вечерам, а дядя Игорь чаще папы играет с ней. Просто... дядя Игорь – это не папа! И самое непонятное – дядя Игорь и

папа оба высокие, веселые, водят машину и пьют пиво, – зачем мама поменяла их местами? В чем разница?! Когда Вика спрашивала маму об этом, то слышала: «Ты еще маленькая и тебе не понять». Разумеется, не понять! А вдруг мама и ее, Вику, так же сменяет на другую дочь?! На это мама отвечала. «Глупышка ты моя»...

Лето Вика и любила, и нет. Не любила, потому что все ее друзья разъезжались из Москвы. Любила из-за арбузов, шашлыков и моря. Но вот в этом году мама сказала, что они поедут не на море, а на свежий воздух, в деревню, и будут отдыхать с дядей Игорем, вместо папы.

Вика никогда до этого не была в деревне. Дядя Игорь объяснил ей, что там круто: есть дом из бревен и печь, как в сказке, есть и озеро, и речушка, где она сможет плавать, а он – рыбачить, есть и лес, где полным-полно ягод, шишек, белых грибов... Грибы – это как есть и как стать круто! Прошлым летом Вика еще часто гостила на даче бабушки, там они ходили за грибами. Вика нашла столько грибов! – очень много грибов! Она с месяц хвасталась об этом всем, кого встречала. Все ее хвалили. Когда тебя хвалят – это круто, еще мама улыбается...

Путь до деревни занял целый день на машине: Вике понравилось, маме нет. Затем Вике понравился дом, ведь дядя Игорь привез телевизор с мультиками. Маме – нет. Затем: скоро дядю Игоря вызвали на работу, и он уехал, оставив их отдыхать в деревне. Вике – понравилось, маме снова нет.

Нет, Вика взрослых никогда не поймет! – хотя очень этого хочет.

Единственное, что Вике не нравилось в деревне – там не было детей – совсем. Дядя Игорь объяснил это занятным выражением «вымирающая деревня», мама назвала деревню... Вике нельзя говорить это слово. Кроме того, Вика хотела в лес за грибами – ей уже наскучило плескаться в лужах, какие назывались «обмелевшая протока», мама же «потомкала» – потом, потом, потом... И тогда у Вики созрел хитрый план: она тихонько сходит в лес одна и вернется с грибами – мама ее похвалит и улыбнется.

Вика была послушной девочкой – если мама говорила ей не выходить за калитку, Вика не выходила: так она и усыпила ее бдительность. По-всамделишному усыпила. Мама выпила бутылку с пивом и пошла на сон-час в гамаке, Вика же взяла большое лукошко и пошла в лес – круто, что лес был рядышком.

Само собой, Вика знала, что в лесу легко заблудиться, поэтому она шла по заметной тропинке и, если сходила с нее, то недалеко. Наверно, оттого-то грибы ей не попадались – эх, судьба-злодейка! Но вот наконец она увидела гриб – на толстой белой ножке и с темной шляпкой. Вика как следует его осмотрела, прежде чем выкорчевать.

– Как стать не мухомор и не поганка! – заключила она.

За первым грибочком нашелся второй, затем третий, четвертый... Вика оглянулась на тропинку и заметила, что сгу-

щается туман. Что-то ей не понравилось в этом тумане, но она решила еще немного отойти от тропинки – ровно на десять шагов, не больше (она умела считать до десяти, загибая пальцы). Так она шла и шла, туман сгущался... Зато грибов вокруг! – мама так ее похвалит!

И вдруг Вика открыла рот – на огромном мухоморе сидела фея – самая всамделишная! – маленькая, как кукла, девочка с приятным взрослым лицом, с крылышками, со светлыми, завитыми на концах волосами, в пышном голубом платье. На голове фея носила венок, в ручках держала волшебную палочку со звездой.

– Здравствуй, – сказала фея. – Меня зовут Маша, а тебя?

– Меня – Вика. А ты кто?

– Фея, разве не похоже?

– Похоже... Просто я люблю до истины докопаться. А чего ты тут сидишь?

– Тебя жду, чтобы исполнить три твоих заветных желания. На бал к принцу, как Золушка, хочешь? Я всегда очень хотела на бал, а моя мама хотела шубу...

Вика задумалась. Бал – это, конечно, круто, но мама-Настя будет ее искать...

– Вообще-то, я хочу, чтобы мама снова полюбила папу, – ответила Вика. – Сделай так, а?

– Нет, так нельзя. Золушка, например, получила от феи только платье, карету и слуг. Ей самой пришлось ехать на бал и там очаровывать принца. Так что, шуба не нужна? Точно?

Норковая.

– А-чу-ро-ва-вать... – по слогам повторила Вика, думая, что такое словцо надобно запомнить.

– Или, хочешь, твоих маму и папу на бал отправлю?

– Неее... Мама еще влюбится там в принца... Мама может. Мама говорит, что папа – не принц на белом коне... А давай ты дядю Игоря превратишь в котенка? Я котенка так хочу, а мама их не любит. Но дядю Игоря она любит и как стать возьмет его с нами в Москву, если она его, конечно, котрирует... Котов надо котрировать.

– Так тоже нельзя. Можно превратить зверей в людей – как в «Золушке», но только до полуночи. Людей в зверей – нельзя. Пересмотри сказку, Вика!

– Эх... судьба-зло... О! – воскликнула девочка. – Сделай меня красивой, как моя мама-Настя, и большой. Я очень хочу понимать взрослых, но пока я маленькая – мне их не понять.

– Это можно. Но на какие деньги ты будешь жить, Вика? И где?

– Жить я буду всегда с мамой! О! – вновь осенило ее. – Миллион долларов!

– Зыька! Это тоже можно. А третье желание?

Вика задумалась – думала, думала – и ничего не могла придумать. Девочка мялась, заламывала руки, тяжело вздыхала, – как все дети ее возраста, Вика недолго умела стоять спокойно на месте.

– Быстрее! – торопила ее фея. – Щас уйду! На свете много других маленьких девочек – у них-то точно найдутся не два, а три заветных желания!

– Дай мне еще один шанс, последний шанс! – складывая руки у груди, драматично молвила Вика, думая, что просит фею не уходить.

– Я тащуусь... – теперь тяжело вздохнула фея. – Ладно. Три, – взмахнула она волшебной палочкой. – Два, – коснулась она ею Вики. – Раз, – исчезла фея, а с ней и гигантский мухомор.

В следующий миг Вику закрутило волчком и бросило на землю, а когда она поднялась на ноги, то надрывно заревела во всю глотку: ее футболка порвалась, кеды порвались, трусики порвались! Мама будет ругать ее!

Сказка

Деревня оказалась – полный мрак, если не выражаться, хотя так хотелось! Игорь, чертова лесная душа! Анастасия сказки не ждала, разве что страшной сказки со счастливым концом, но подобного ужаса и вообразить ее «воображаловки» не хватило. В деревне – девятнадцать жилых домов, в каких одни старики, остальные пять десятков логовищ заколочены, – безлюдная деревня призраков. В их же доме не было водопровода – давай, Настенька, с ведрами до родника топай! Настенька и потопала сегодня в полдень, да с самым настоящим коромыслом на плечах! А еще эта жуткая газовая колонка, какой она боялась! Электричество работало с перебоями! Душ – мечта вуайериста! – на заднем дворе! И, вообще, за что Анастасия ни бралась, всё ее в здешнем хозяйстве ужасало. Ну не создана она, москвичка, для деревни!

Пока в Камышовке находился Игорь, житие было более-менее сносным. Анастасия, внучка армейского полковника, многое могла вынести, если «многое» – это всего на две недели. Самое смешное то, что ее пугала перспектива туалета «на улице», однако именно туалет оказался самым цивилизованным местом в столетнем срубе (Игорь позаботился заранее). Купил он и немного современных предметов мебели, нарочно выполненных под сельскую старину. Прочее в доме – изба избой: огромная русская печь, оконца со

ставнями, сени – проходной тамбур между дворами, жилая комната – это сразу кухня, прихожая и гостиная (студия, ёпт!), две спальни – крошечные, погреб – наверняка заселен упырями. Пауками уж точно. Анастасия, внучка армейского полковника, мало чего боялась, но пауки... Когда ей было столько же лет, сколько Вике, они отдыхали, кажется, в Сочи, в арендованном доме – там была веранда, в углу белой веранды, под потолком, жительствовавал здоровенный черный паук. Шестилетняя Настя его боялась сперва отдаленно: паук едва шевелился, облюбованного места под потолком не покидал, родители убедили ее, что сей мохнатый зверь не ядовит. И она вроде даже к нему привыкла, а затем... Однажды, когда мама, уложив ее спать, встала с кровати и направилась к настенному выключателю, Настя увидела, как по потолку, прямо над ее глазами, ползет этот огромный черный паук – она подумала, что он сейчас на нее упадет, – и он упал на нее! – и в тот же миг мама выключила свет! Сказать, что Настя заорала – не сказать ничего – без сомнения, Настю услышали в самых отдаленных уголках космоса. Мама сразу включила свет, прибежал папа – и они долго искали паука: перетряхивали простыни, снимали наволочку и пододеяльник, лазили под кровать. Нигде проклятого паука не было! И на веранде его тоже не было! А как иначе?! – мохноногий монстр ведь забрался в маленькую Настю!

Ее еле-еле убедили в том, что никакого паука в ней нет. Помог рентген – маленькая девочка поверила родителям,

что у пауков есть кости. Однако еще долго после рентгена она с визгом бегала прочь от самого махонького паучка – от того на дачу к бабушке не ездила и, вообще, Москву покидать не любила. Да здравствуют бетон, асфальт и кирпич! Бетонируйте, люди, эту гадскую природу, да побольше! Бетон – это безопасность, в дикой природе же все-всё пытается тебя укусить, если не съест!

Больше всех помог Насте ее бабушка – он показал, что если у паука-сенокосца оторвать лапку, то одинокая лапка начнет забавно дергаться. Настя пару раз так сделала – затем ей стало жалко искалеченных пауков и она заплакала – так ее арахнофобия прошла, впрочем, видимо, не до конца. Ну не любила она быть там, где нет пары дверей из железа и консьержки при входе (а лучше охраны), зато водятся сети паутины, змеи, жабы летучие мыши, крысы, совы... ведьмы, в конце концов, с упырями-людоедами! И надо же – Игорь оказался страстным обожателем русской глубинки: чем безлюднее, тем лучше. До того она считала, что у него недостатков нет.

Но чего не сделаешь ради любви? Анастасия, внучка армейского полковника, решила на подвиг – она «отдохнет» с женихом в заповедной глуши, если будет холодильник. Игорь сказал, что там есть полноценная кухня. Еще он привез небольшой плоский телевизор со встроенным DVD-плеером, да вот из дисков взял лишь мультфильмы для Вики. Само собой, ни один канал в деревне не ловился, качество

мобильной связи здесь – будто устанавливаешь контакт с марсианами. Тем не менее вчера до Игоря дозвонились с работы – и ему пришлось уехать в Москву. Он пообещал, что вернется через три дня.

Прошлой ночью Настя спала вместе с шестилетней дочкой – Вика сладко сопела, ей же было страшно: в пустом доме что-то порой шевелилось, потрескивало и поскрипывало. Закралась мысль, что если к ним приползет из заключенных хибар нежить – то надо бросить мертвякам Вику, а самой, пока они будут трапезничать, убежать – всё равно Вика мелкая, всё равно ей не спастись. Конечно, в реальности Анастасия подобного не сделала бы и самоотверженно защищала бы дочь, хоть от медведицы, хоть от орды голодных зомби. Вышесказанное – просто пример того, какие мысли может даровать панический страх.

Воду Анастасия тоже не умела экономить и умудрилась израсходовать куб воды, пока промывала свои длинные волосы, – пришлось брать коромысло. Вика, умница, мамина ты помощница, тоже взяла ведро. Родник бил у озера; к обеду там собиралась вся деревня: семнадцать старушек и два старика. Сегодня они обсуждали не политику, не пенсии и не поселковую поликлинику, а лес.

– Ты не ходь-то, Настенька, сёдня до лесу, – сказала ей баба Нюра. – А то чего б не вышло-то...

– Что, например? – улыбнулась Анастасия.

– Да кто ж эту примеру знает? А мы тут люди бывалые.

Раз лампы в доме мигают – не ходи до лесу.

– Ц, это напряжение здесь фиговенькое, – цокнув, снисходительно пояснила Анастасия. – Физика, понимаете?

– Понимаем, понимаем. Физика – так физика. А до лесу сѣдня – не ходь. А то, чего б не вышло-то из лесу к тебе... фиговенького.

Анастасия кликнула Вику, и они направились домой. Дорогой Вика, как назло, просилась в лес по грибы. Может, если бы не коромысло, то Анастасия согласилась бы прогуляться среди комарья – но она так умахалась, что не было ни желания, ни сил, и ответила дочке, что потом, как-нибудь потом.

Дома она взяла бутылку пива, какое в основном пил Игорь, и с наслаждением глотнула из горлышка (люблю тебя, о холодильник, а вот Игоря – уже не уверена). Сразу потянуло прилечь. Анастасия запустила диск с мультиками и наказала Вике не выходить из дома за калитку, когда же закончатся мультики, приходиться на задний двор, в сад. Час спокойствия у Анастасии теперь точно появился – оторвать Вику от телевизора не сумело бы торнадо.

Плодовый сад – самый замечательный уголок в этой убогой деревушке, хотя в нем росли одни яблони. Зато здесь висел гамак – как же здорово было лежать в тени, читать или просто смотреть в небо. Когда смотришь в небо, невольно размышляешь о вечном: о Боге, о рае, о времени, о любви... вспоминаешь свои мечты. В голубом небе дымкой проступа-

ла полная луна...

Сегодня Анастасия думала о своей жизни. Ей – уже двадцать семь. Еще вчера было двадцать – и бац! – двадцать семь! В детстве время так медленно тянулось, почему же сейчас оно спешит? Почему нам всегда не хватает его, этого времени?

Валере, бывшему мужу, всегда не хватало времени на семью. На работу – сколько угодно – на семью же... Сначала она думала, что он бежит из дома в выходные и праздники из-за маленького ребенка – из-за Вики. Мужчинам сложно слушать плач, ор или визг сутками напролет. Женщинам, вообще-то, тоже сложно, да деваться некуда. Потом она и Валера стали отдаляться друг от друга... Это она ему изменила, не он – он пытался всё вернуть. А что вернуть? Она уж и не помнит ту, прошлую, любовь к нему. Она помнит, что его никогда нет рядом, когда он нужен ей или Вике. Откровенно говоря, мечтать она разучилась из-за него, бывшего мужа, и почему-то не научилась вновь, встретив Игоря. О чем ей мечтать? Всё у нее хорошо, она уже счастлива...

Друзья говорили, что Игорь – копия Валеры. Может, и так, кроме одного – для Игоря она и Вика на первом месте, работа – на втором. «По крайней мере, я надеюсь на это...» – думала Анастасия, закрывая глаза. Вскоре она заснула, а хитрющая Вика тихонько вышла из дома с лукошком и направилась в лес.

– Мама, мама! – разбудил Анастасию отчаянный плач. Встрепенувшись в гамаке, продирая от сна глаза, она с удивлением узрела практически голую деваху. Коротюсенькая желтая юбочка едва прикрывала ее порнографию, к голой груди незнакомка прижимала какие-то тряпки.

– Ты кто такая? – спросила ее Анастасия.

– Вика! Мама, это я, Вика! Мама, я нечаянно! Я не хотела, клянусь, дай мне шанс! Последний шанс!

Девица протягивал к ней тряпки, и Анастасия с ужасом поняла, что это порванная футболка Вики, ее трусики и ее тряпичные кеды, – крови нет, но все разодрано, будто вещи истерзал зверь.

– Где моя дочь?! – не своим голосом заорала Анастасия, соскакивая с гамака и грубо встряхивая деваху – та в ответ залилась слезами, выворачивая рот. – Я щас убью тебя! – трясла ее Анастасия. – Убью, если не скажешь! Где моя Вика?

– Я – твоя Вика! Маа-ма, не убиваааай меня, дай мне шанс!

И тогда Анастасия поняла, что деваху ненормальная. «Ах, ну да, Игорь говорил, что в поселке есть психушка...» Она отпустила незнакомку и пригляделась к ней: на вид лет двадцать, высокая (прямо баскетбольная дылда), длинноногая, стройная, с длинными русыми волосами по лопатки, челки нет. Вроде даже миленькая, но так корчит рожу, что непонятно...

– Ух, спокойно, – вдохнула и выдохнула Анастасия. – Пойдем в дом, и ты мне всё спокойно расскажешь, да? Не плачь, успокойся же – я тебя не убью.

Девушка крепко ее обняла.

– Мама, мамочка... – всхлипывала она.

– Пойдем, пойдем...

Когда Анастасия завела гостью в дом, та уже практически успокоилась. Зато Анастасию трясло – она судорожно сообщала, что же ей делать. Оставить ненормальную одну – еще сбежит, а она единственная может знать, где Вика. Но вдруг медлить нельзя? Порванные трусики... О Боже! Боже! Да – надо бежать. Но куда бежать? К кому бежать? Ни полиции рядом, ни мужчин, ни женщин – никого, кроме старух и двух стариков!

– Хочешь посмотреть телевизор? – спросила гостью Анастасия.

– Даа, – улыбнулась та.

– Вот и чудненько. Накинь это, – подала она ей плед. – И садись к телевизору на скамью! Мууультики!

Удостоверившись, что гостья уставилась в телевизор, Анастасия со смартфоном в руках тихо вышла в сени, оттуда – на крыльцо.

– Вика! – нервно закричала она. – Вика?! Ви... – оборвался ее голос – перед крыльцом стояло лукошко, а в нем – пачки новехоньких долларов – целая куча. Это что еще за чертовщина?! Или глупая шутка? Резаная бумага?

Анастасия взяла одну пачку и вскоре убедилась, что сто-долларовые купюры настоящие – голубого цвета, последнего дизайна, с защитной синей нитью...

– Что это такое? – заноса лукошко, вошла Анастасия в дом и указала на свою ношу.

– Миллион долларов! – радостно ответила «ненормальная». – Мне их фея в лесу дала! Она еще норковую шубу предлагала!

Анастасия выронила корзинку и в ярости бросилась к ней.

– Где моя дочь?! – прорычала она. – Говори, скотина!

– Я здесь, мама, – тихо и обиженно ответила «скотина» – Я просто хотела стать большой, чтобы понимать взрослых, но я до сих пор тебя не понимаю. Это потому что я глупышка твоя, да? Или ты уже хочешь поменять меня местами на другую дочь, как поменяла папу на дядю Игоря? Мама... мамочка... дай мне шанс, последний шанс...

Анастасия поняла, что убьет ее – здесь и сейчас. Но секундой позже, вглядываясь, она осознала, что на нее и впрямь смотрят серые глаза Вики, какие вот-вот изольются слезами. Она тысячу раз видела это миг – мгновение до рева Вики... Не вполне отдавая себе отчета в том, что делает, Анастасия стала шарить руками по телу гостьи – искать знакомые родинки.

– О Боже мой... – прошептала она, после чего прижала к себе ревущую Вику и заплакала сама.

Вика смотрела мультфильмы, устроившись на широченной скамье, которая называлась «лавка» – на таких скамьях во времена царя Гороха спали. Матрас, покрывало и подушки из дешевого скандинавского магазина превратили лавку в подобие дивана. Анастасия, сидя за размашистым обеденным столом из того же магазина, допивала бутылку пива. Перед ней лежали пачки долларов.

«А может, я просто-напросто рехнулась? – думала Анастасия, наблюдая за своей двадцатилетней дочуркой – та сидела на лавке в хорошо знакомой позе, в какой одна Вика сидела перед телевизором: сложив ноги по-турецки, соединив руки за спиной и подавшись плечами вперед. – Если это бред, то этот бред надо кому-то предъявить, чем-то его подкрепить, а то меня отвезут в «дурик» – и всё – благо тут есть один неподалеку...»

Она вернула пачки денег в лукошко, убрала лукошко под стол.

– Вика, а давай писать диктант, – сказала Анастасия. – Неси тетрадку и карандаши.

Вика, уже одетая в мамины джинсовые шортики и футболку, подскочила со скамьи, убежала в свою спальню, топая босыми ногами по доскам, после чего вприпрыжку принеслась назад с большим блокнотом и пеналом.

– Так... – пока Вика садилась за стол, наблюдала за ней мама – это точно Вика. – Так... Пиши... Пиши, радость моя, письмо папе. Па-па. Я по те-бе о-че-нь... – диктовала по сло-

гам Анастасия. – Ску-чаю. При-ез-жай к нам по-ча-ще.

Вика старательно выводила карандашом корявые буквы, а затем со счастливейшей улыбкой показала блокнот маме. Мама же нервно улыбнулась, вырвала листок, спрятала его в одинокую книгу на полке полупустого стеллажа, после чего подошла к Вике со спины и крепко-крепко ее обняла.

– Я круто на этот раз написала? – спросила Вика.

– Круто, – тихо плакала Анастасия. – Круто, глупышка ты моя...

– Опять глупышка?!

– Вика, ты очень умная. Очень! Умнее своих мамы и папы!

– Круто! А можно мне тогда посмотреть мультик про Золушку и конфету?

– Да, возьми даже две конфеты...

Вика понимала сказку о Золушке своеобразно. По ее мнению, Золушка была вполне счастлива, начищая горшки, иначе Фея-крестная помогла бы ей раньше, да и в полночь волшебство не кончилось – Золушка осталась принцессой даже в лохмотьях, и принц это знал. Закон волшебной палочки гласил: «Ты что-то получаешь, что-то теряешь», – вот Вика и пыталась разгадать, что Золушка потеряла – неужели счастье в немых горшках?

Пока Вика смотрела любимую сказку, Анастасия набрала номер Игоря. Не сразу, но он ответил. Их разговор сопровождали знакомые «марсианские» помехи.

– Игорь, ты где?

–... Москве... Стою в пробке на...

– Игорь, давай назад, к нам в деревню.

– Что? Не слышу? Пропадаешь!

– Игорь, я надеюсь, ты и впрямь пропадаешь, а не притворяешься сейчас! – вскричала Анастасия – и тут же связь прервалась. Она набрала его номер еще два раза – «абонент не абонент»!

Подумав, Анастасия позвонила отцу. Была бы возможность, она, не раздумывая, первому, кому позвонила бы, – так это деду, армейскому полковнику, да вот незадача – дедушка умер тринадцать лет назад.

– Папа? Папа? Слышишь меня?

– Да, дочка, что случилось? – на удивление чисто, без помех, звучал голос ее отца, Бориса Федоровича.

– Папа... папочка... не знаю, как и сказать. Эта деревня... Тут колдовство какое-то, магия, что ли... Вику какая-то фея заколдовала! Папа, я понимаю, что говорю бред, но я не сумасшедшая. Папа, я тут одна и не знаю, что делать. Если в полицию позвоню – они мне не поверят и сунут меня в «дурик». Папа, я... это всё деревня. Токи, какие-то, электрические, напряжение и лес. Папа, я не сумасшедшая. Вику правда какая-то ведьма заколдовала – Вика же ребенок – она ее феей называет. Папа? Скажи, что-нибудь...

– Ээээ... Знаешь, Насть, даже, что сказать, не знаю... Хотя, знаешь, если магия... Есть тут один христианский маг,

правда, в Питере... Экстрасенс.

– Папа! Какой экстрасенс?! Жуликов мне еще не хватало?!

– Насть, мне про него серьезный человек сказал. Такой, как он, пурги, так сказать, не гонит. Номер, интересно, у меня остался ли Алексея Петровича... А, найду! Завтра будет у тебя экстрасенс!

– Да не экстрасенс мне нужен!

– А кто нужен?

– Знать бы... Ладно, подгоняй экстрасенса...

– А Игорь где?

– В Москве... К тебе, небось, спешит. Пап, ты только его не разворачивай – я ему уже звонила – если сам не придет, то такой мне муж не нужен. Мне Валеры хватило.

– Понимаю, дочка...

И связь резко оборвалась.

– Мам, – подала голос Вика. – А кто такой «страх-сенкс»? Это слово можно говорить?

– Да, дочка, это слово можно говорить... тем более, что ты права... «Сенкс» – это «спасибо» по-английски. Он, страх-сенкс, тебя пугает, а ты его благодаришь... Завтра его увидишь – и всё поймешь сама – ты же уже большая.

– Да, я большая! – обрадованная Вика опять повернулась лицом к телевизору, а Анастасия встала из-за стола и достала из холодильника уж третью за сегодня бутылку пива. Пила она ее для храбрости. Допив, позвонила бывшему мужу.

Связь опять была «марсианской».

– Валерий, слушай меня и не перебивай, – говорила Анастасия, – ты мне нужен здесь и сейчас, иначе меня завтра упекут в «дурик», а твоя дочь... не знаю, что с ней будет...

Связь вновь оборвалась. Перезванивать Анастасия не стала – вместо этого она достала четвертую бутылку пива. Эта четвертая доза оказалась сладкой – наконец-то пришло спокойствие – «дурик», так «дурик», но свою дочь она отстоит любой ценой. Вику в «дурик» не закроют! Пусть ее, но не Вику.

Вдруг зазвонил смартфон – Валера.

– ...Настя, где? – спрашивал через помехи он. – Как ваша деревня хоть называется?

– Аа, какая-то Камышовка, – беспечно ответила Анастасия. – Где-то в Нижнем Новгороде и Владимирской области, у Пензы...

– Ты что, пьяная сейчас?!

– Пошел ты! Да! Пьяная! – «бросила» она трубку.

Всё – Валера не придет, а и ладно – так даже лучше.

Ночью Анастасия вновь спала с Викой, крепко прижимая ее, двадцатилетнюю, к себе. Ворвись к ним сейчас нежить, Анастасия махала бы мачете не хуже полубезумной сестренки из «Миссии "Серенити"». Поспала Анастасия от силы часа два, ближе к рассвету. Вика безмятежно сопела – так и надо, мама тебя никому не отдаст.

На рассвете ее разбудил далекий ор – кричали «Вика». Продрав глаза, Анастасия слезла с кровати, прошла в «гостиную» и, завернувшись в плед, побрела в сени. Оказалось, это голосил Валера – высокий, русоволосый мужчина тридцати трех лет, одетый «с иголки» – темно-синие брюки с четкими стрелками, белая рубашка с неброскими платиновыми запонками на манжетах, красный галстук в мелкую крапинку как у президента России (узел галстука не ослаблен у ворота) – всё-то на нем новенькое, как будто он, благодаря телепорту, шагнул из итальянского дома моды прямо в... в то слово, какое Вике нельзя говорить.

– Чего орешь? – приоткрыв дверь, негромко окликнула его сонная Анастасия.

Валера, он же Валерий Валерьевич, президент «La-la-la financial and banking groups», смерил бывшую жену подозрительным взглядом и открыл калитку, после чего приблизился к крыльцу.

– Где Вика? – скупно спросил он.

Анастасия понимала, что выглядит не то что не ахти, – не ахти сейчас самой на себя в зеркало глянуть: волосы – растрепаны, лицо – отекло из-за пива и двуночного недосыпания, поверх хлопковой итальянской ночнушки в стиле «бабушкино наследство» сереет плед из дешевого скандинавского магазина, ноги – босы.

– Вика спит. Тихо ты! – хмуро ответила Анастасия, а Валерий скривил лицо.

– От тебя перегаром несет!

– Валера, я не бухаю тут! Я же редко пью...

– Я про тебя, как оказалось, мало, что знаю, и знать уж не хочу. Вика где?

– Пошли...

Анастасия завела его в дом, осторожно открыла дверь в спальню и отошла. Валерий с минуту стоял на пороге спальни, глядя внутрь, затем закрыл дверь и с озадаченным лицом повернулся к бывшей жене.

– У меня три вопроса. Где Вика, что за баба и почему рядом с кроватью лежат топор и пила?

– Значит, ты тоже ее видишь... Это хорошо... А это, видишь? – достала Анастасия из-под стола лукошко с долларами.

– Вижу...

– Что ты видишь?

– Пока не понимаю... Настя, ты что, расчленила и продала нашу дочь?

Анастасия нервно хохотнула.

– Прости, – зажимая рот рукой, продолжала хихикать она, – просто в фильмах всегда с богатых требуют выкуп за детей, а тут – миллион похитители сами занесли!

– Настя...

– Прежде, чем ты что-то скажешь, на это взгляни, – прошла она к стеллажу и достала из книги блокнотный лист. – Видишь? Написано «по чаще», а не «почаще». «Папа приез-

жай к нам по чаще». Помнишь, ее поздравление с открытки на Новый Год? Это оно! Ты еще острил, что приедешь к Вике и по лесу, и по чаще, и по чаще леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.